
МУРЗИЛКА
5
ОГИЗ
ДЕТГИЗ
МАЙ
1934

НА ПОМОЩЬ ЧЕЛЮСКИНЦАМ

Рисунки наших читателей

Лёня Касаткин 7 лет.

НА ПОМОЩ ЧЕЛЮСКИНУ БОРЯ ПЕШКОВ 6 ЛЕТ

На помощь „Челюскинцам" Стася Чернышев 7 л. 4 м.

На помощь челюскинцам. Рисовал Вадя Саньков 9½ лет из Нолёвки ст. Слюдянка

СМОЛЕНСК

СОДЕРЖАНИЕ

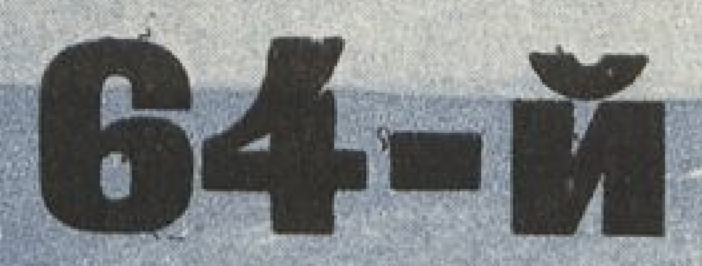
м у р з и л к а

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

МАЙ 1934 № 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕТГИЗ. Москва Центр. 68. Тел. 71-88

А. С. Некрасов

Рисунки Г. Нисского

Это случилось накануне октябрьских праздников.

Мы сидели в кают-компании китобойного судна „Энтузиаст" и пили чай. Горячие кружки приходилось держать в руках, чтобы чай не расплескался.

Был шторм. Наше маленькое судно то взлетало вверх, то проваливалось в яму между двумя волнами и ударялось так сильно, будто вода стала деревянной.

Впрочем, мы не замечали этого. Под мягкими диванами по-домашнему, как самовар, шипело отопление, а из-под красивого абажура на стол падал ровный электрический свет.

О шторме напоминали только сладкие булочки, которые напек нам повар. Они, как живые, бегали по зеленой клеенке и ударялись о бортики, привинченные к краям стола.

Каждый вечер собирались мы и рассказывали друг другу о своих морских похождениях, но в этот вечер были заняты другим.

Семь месяцев назад, выходя из Владивостока к берегам Камчатки, мы обещали убить шестьдесят китов. А к концу промысла убили шестьдесят три кита и очень гордились этим. Поэтому решили по радио послать рапорт о нашей победе во Владивосток, куда шли на зимовку.

Телеграмма была уже готова, но наш гарпунер, иностранный специалист Отто Карлович, непременно хотел, чтобы написали, что он объявил себя ударником второй пятилетки, и мы принялись переписывать телеграмму заново.

Вдруг железная дверь, выходящая прямо на палубу, открылась и вошел наш радист. Он прошел по палубе всего пять шагов, но был весь мокрый, потому что волны хозяйничали на палубе.

Радист через стол протянул капитану исписанную бумажку и сказал:

— Михал Михалыч, я сейчас принял „СОС"[1] от шхуны „Крестьянка".

Капитан встал, выплеснул чай, повесил кружку на один из крючков, ввинченных в потолке, и, взяв бумажку, прочел:

„СОС Нужна немедленная помощь тчк от сильных размахов бортовой качки переместился груз в трюмах тчк предельный крен вода не откачивается машина и руль не работают тчк капитан Козлов".

Мы знали „Крестьянку" и теперь представляли ее, маленькую и беспомощную, во власти бешеного шторма.

Точно вместе с телеграммой в кают-компанию ворвался шторм. Стало как-то сыро и холодно. Все так же шипело отопление, но уже не песенка самовара, а злобный свист ветра в верхушках раскачивающихся мачт слышался в нем.

Капитан уже отдавал распоряжения.

— Идите в рубку и наладьте с „Крестьянкой" прочную связь. Сообщите, что мы идем на помощь,— сказал он радисту и повернулся к боцману.

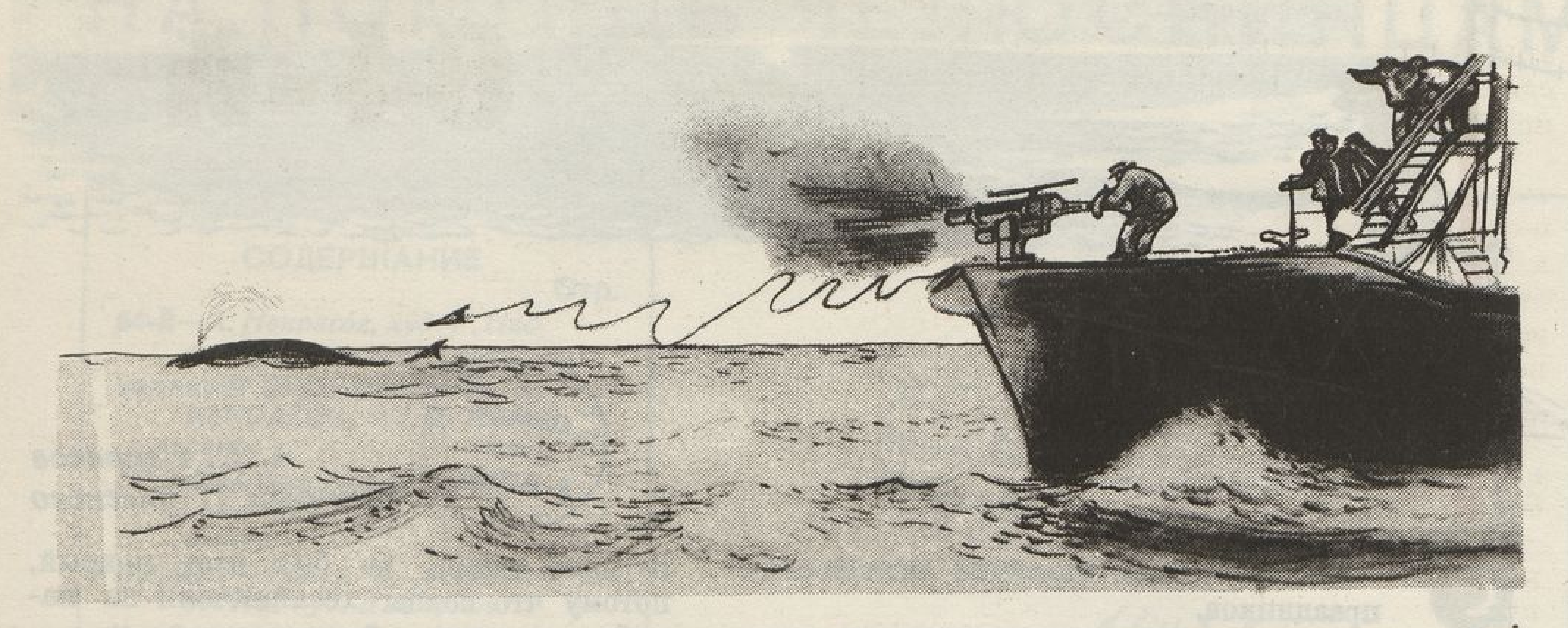
— А ты, Иванов, готовь спасательные средства и шлюпки. Объявляю аврал[2]. Вы, Отто Карлович, пойдете со мной в рубку. Попробуем найти „Крестьянку".

Мы бросились в свои каюты и надели непромокаемые костюмы. Ползая

---

[1] „СОС" — это сигнал бедствия.

[2] Аврал—тревога.

по ярко освещенной палубе на четвереньках, чтобы не смыло водой, одни из нас стали доставать толстые стальные канаты, багры и спасательные пояса, а другие готовили к спуску шлюпки.

В полчаса все было готово. Матросы снова забились в кают-компанию, а я поднялся в рубку. Там радист, капитан и гарпунер разыскивали на карте место, где была „Крестьянка". Наконец капитан отметил его маленьким кружочком, и все мы поднялись на мостик.

У штурвала[1] стоял рулевой, держа в руках спицы и поглядывая на светящийся компас.

Капитан дал рулевому новый курс[2], и тот быстро стал перебирать спицы.

„Энтузиаст" повернул круто вправо. Теперь волны и ветер обрушились на нас сзади, точно хотели догнать и не пустить на помощь гибнущей шхуне.

Чтобы свет не мешал глядеть вдаль, капитан приказал погасить все огни на палубе, и кругом стало сразу темно, точно мы нырнули в воду.

Так прошло несколько часов. Ночь подходила к концу. На горизонте стал разгораться зеленый северный рассвет.

Вместе с темнотой пропал ветер. Он кончился сразу, будто ему надоело играть с волнами.

А „Крестьянки" все не было видно, хотя радист уверял, что она где-то близко.

Тогда Отто Карлович решил влезть на мачту и посмотреть, не видно ли потерявшейся шхуны.

Он был толстым, как бочка, но очень ловко лазил по веревочным лестницам и лучше всех находил в море фонтаны китов. Эти фонтаны киты выбрасывают на несколько метров вверх, когда поднимаются подышать. По фонтанам мы на промысле замечали китов и подходили к ним, чтобы начать охоту.

Отто Карлович закурил свою кривую трубку, надел перчатки и полез на мачту. Казалось, будто это не шестипудовый человек лезет кверху, а поднимается маленький воздушный шар.

Две минуты спустя он уже сидел в бочке на верхушке мачты и смотрел в бинокль по сторонам.

Прошло еще два часа. Небо очистилось от туч. Вышло солнце. Море стало голубым и спокойным, и не верилось, что еще так недавно все кругом кипело, как в котле.

На мостик поднялся радист и передал капитану последнюю телеграмму „Крестьянки".

„Опасность миновала машину и руль удалось исправить тчк вода в трюме продолжает прибывать крен выправить не удалось однако в случае хорошей погоды сами доберемся до Петропавловска тчк не беспокойтесь привет капитан Козлов".

Капитан прочел телеграмму и взял рупор.

— Отто Карлович! — крикнул он.— Слезайте, пойдем завтракать. С „Крестьянки" сообщают, что не нуждаются больше в нашей помощи.

Отто Карлович шариком выкатился из бочки и стал спускаться. Вдруг он остановился, посмотрел направо и громко закричал:

— Михаль Михалич, кит!

Мы посмотрели в ту сторону, а он уже спустился и, захлебываясь, уговаривал капитана.

[1] Штурвал — рулевое колесо.
[2] Курс — направление, по которому идет судно.

— У нас шестьдесят три кита. Ну, пусть это будет шестьдесят четвертый, пусть я сделаю подарок вашей стране к большому празднику.

Возражать было трудно. Судно повернуло туда, где через каждые пятнадцать минут появлялся фонтан, а Отто Карлович пошел к гарпунной пушке, укрепленной на носу нашего судна, снял с нее чехол и осмотрел, все ли в порядке. Потом приказал матросам встать по местам.

„Энтузиаст“ подошел совсем близко к киту, и скоро мы увидели его широкую спину прямо перед носом судна, но стрелять было слишком далеко.

Кит нырнул, и Отто Карлович велел повернуть круто влево. Через пятнадцать минут кит вынырнул снова, но опять очень далеко. Потом он поднялся из воды близко, но так, что стрелять в него было неудобно.

Так мы кружились вокруг да около кита, и наш толстый гарпунер прыгал около пушки и сердился на кита за то, что он никак не хочет поддаваться.

Вдруг кит вынырнул прямо перед носом „Энтузиаста“.

Отто Карлович быстро навел пушку и спустил курок.

Хлопнул выстрел, и гарпун — тяжелый снаряд с лапами на конце и с толстой веревкой, привязанной к нему, вонзился в спину кита. Из раны с силой вылетели брызги крови и дым. Это взорвалась граната, привинченная на самый конец гарпуна. Кит забился, поднимая кругом кровавую пену, но скоро затих. Мы подтянули его к борту и стали накачивать воздухом, чтобы он не тонул. В брюхо ему воткнули трубку, запустили паровой насос, кит раздулся и всплыл. Один матрос встал ему на брюхо и смоленной паклей забил дырку. Кита привязали за хвост к нашему судну.

Ветер снова закрепчал, и по морю побежали беляки. Мы опять сидели в кают-компании.

— Придется бросить кита, — сказал капитан: — положение „Крестьянки“ хуже, чем вчера, и мы немедленно пойдем к ней.

Отто Карлович вдруг разозлился и заговорил:

— Михаль Михалич! Конечно, надо итти, но я прошу вас, поставим сигнал на ките. Может быть, мы еще встретим его в море, и тогда не пропадет мой подарок.

Мы снова одели непромокаемые костюмы и принялись отвязывать кита. Работать было очень трудно. Тяжелые цепи дергались и натягивались; каждая неосторожность могла стоить жизни или в лучшем случае руки.

А гарпунер отвязал от вант[1] длинный шест с флагом и, выбрав момент, воткнул его в брюхо киту.

Наконец мы отвязали кита. „Энтузиаст“ прибавил ходу и снова понесся разыскивать „Крестьянку“.

Уже перед утром мы увидели на горизонте красные огоньки, высоко взлетавшие над морем. Это со шхуны пускали особые ракеты, чтобы нам легче было ее найти.

Мы зажгли наш прожектор и, направив его в ту сторону, увидели „Крестьянку“.

Она лежала совсем на боку, и казалось, вот-вот перевернется.

Мы подошли к ней совсем близко, и один из наших матросов забросил на шхуну выброску[2], к концу которой был привязан стальной канат. На шхуне закрепили канат на носу, а мы обмотали другой конец его вокруг чугунных тумбочек, вделанных в палубу, и дали ход. „Крестьянка“ пошла за нами.

---

[1] Ванты — растяжки, которыми укреплена мачта.

[2] Выброска — веревка с грузом на конце.

К утру шторм немного затих, но считать „Крестьянку“ спасенной было еще рано. Вода там все время прибывала, и откачивать ее не успевали.

Шхуна в любую минуту могла перевернуться. По расчету капитана „Крестьянки“, жизни ей осталось десять часов, а до Петропавловска, где можно было выкачать воду и выправить крен, было не меньше двенадцати часов хода. Решили итти как можно скорее. Если шхуна перевернется, взять людей к себе на борт.

Вдруг рулевой заметил на горизонте слева шест с флагом и сказал об этом капитану.

Мы не знали, что делать. Итти подбирать кита — это значило терять самое меньшее два часа. Эти два часа могли решить судьбу шхуны. А пройти мимо — значило бросить пять вагонов прекрасного жира и мяса, которые стоили сорок тысяч рублей.

И все-таки капитан решил не рисковать судьбой „Крестьянки“ и итти прямо.

Отто Карлович стоял на мостике, и было видно, что ему очень жалко второй раз терять нашего кита. Он, как паровоз, пыхтел и дымил своей трубкой и топтался на месте, точно очень торопился куда-то и не мог уйти.

Вдруг он довольно улыбнулся.

— Ага! — закричал он. — Мы убьем двух зайцев в один раз. Мы приведем наш подарок, и шхуна от этого не потонет.

Мы ничего не поняли.

— Что плохо у шхуны? — захлебываясь, кричал он. — Плохо то, что она лежит на боку. А мы поставим ее прямо! А! — смеялся он. — Вы не знаете, как? Мы возьмем нашего кита и привяжем его с другого борта „Крестьянки“. Он не маленький, этот кит, он весит семьдесят тонн и никак не даст ей перевернуться. Нужно только суметь привязать его. Но уж это-то я сумею.

И всем нам сразу стало ясно, что старый моряк прав. Капитан приказал итти прямо к киту.

Отто Карлович взял пятерых матросов, велел им надеть пробковые нагрудники и на шлюпке поехал на „Крестьянку“.

Они обмотали кита толстыми цепями вокруг хвоста и вокруг плавников и крепко привязали огромную тушу к борту „Крестьянки“.

Десять часов спустя мы вошли в бухту Петропавловска, ведя на буксире кита и шхуну.

В Петропавловске стояла китобойная база — огромный пароход „Алеут“.

К нему на палубу за хвост подняли нашего кита и стали разделывать. Матросы с „Крестьянки“ долго рассматривали огромную тушу. Они первый раз видели вытащенного кита, и особенно их удивлял рот, в который можно было войти не сгибаясь.

Вечером мы вместе со спасенными моряками сидели в большой столовой „Алеута“ и ели вкусное китовое мясо, которое нам поджарил повар.

А потом все вместе составили телеграмму. К празднику она опоздала, но зато в ней говорилось уже о шестидесяти четырех китах и, конечно, упоминался иностранный специалист Отто Карлович — один из лучших наших ударников.

Стихи Н. А. Некрасова

Рисунок Д. Шмаринова

Знаменитый русский поэт
Родился в 1821 г., умер в 1878г.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

**Идет-гудет Зеленый шум,
Зеленый Шум, весенний шум!**

**Играючи расходится
вдруг ветер верховой:
качнет кусты ольховые,
поднимет пыль цветочную,
как облако: все зелено —
и воздух, и вода!**

**Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!**

**Как молоком облитые,
стоят сады вишневые,
тихохонько шумят;
пригреты теплым солнышком,
шумят повеселелые
сосновые леса,
а рядом новой зеленью
лепечут песню новую
и липа бледнолистая,
и белая березынька
с зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
по-новому — весеннему...**

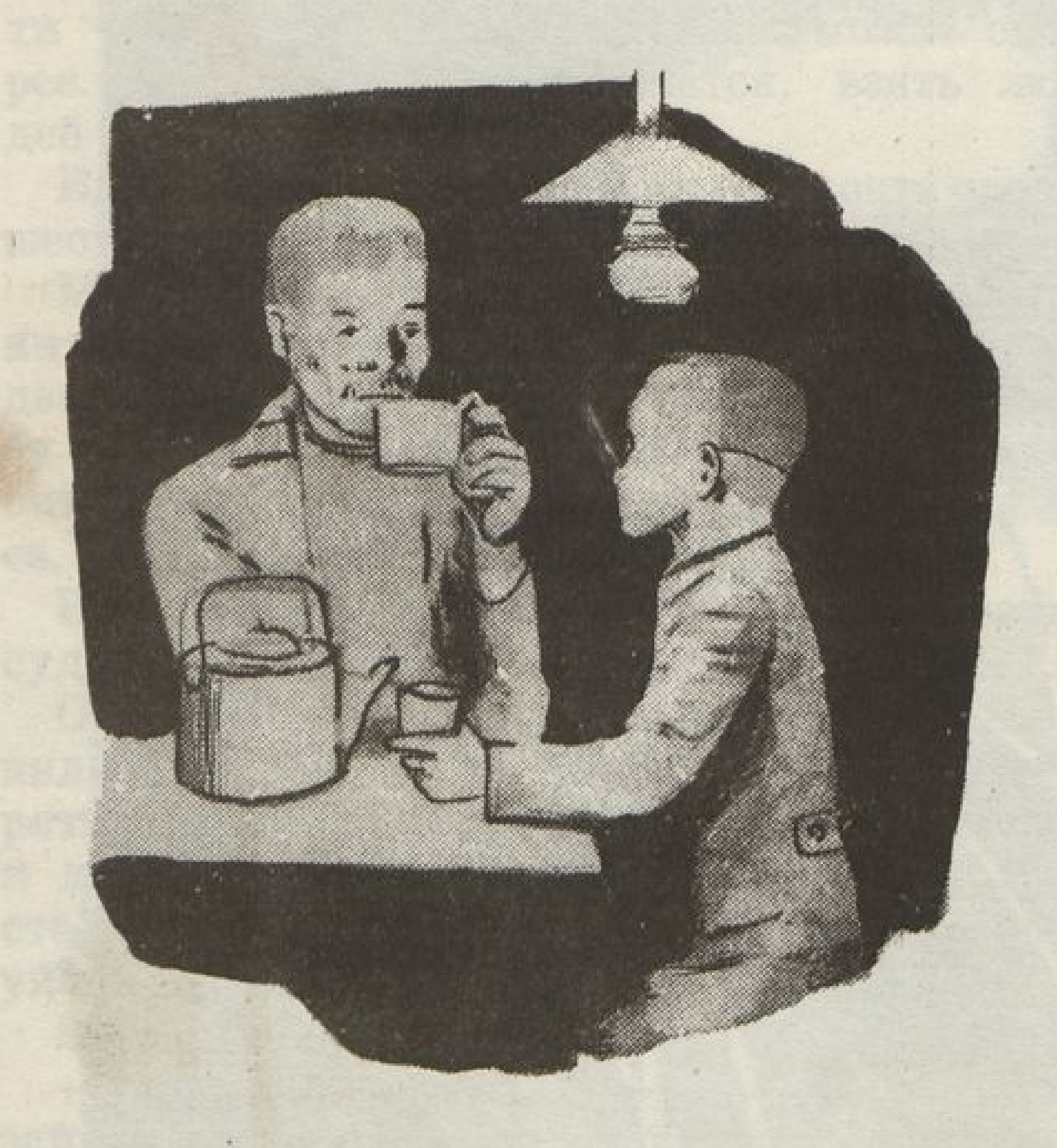
**Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!**

Эти стихи написаны семьдесят лет тому назад

„ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ“

Быль из времен гражданской войны

М. Поликарпов
Рисунки В. Васильева

Очень далеко от Москвы, на Дальнем Востоке, у двух сибирских сопок, стоит железнодорожная станция „Ерофей Павлович“.

Здесь суровый климат, и вечно мерзлая земля ничего не родит. Жители занимаются охотой и добычей золота.

При прокладке Забайкальской железной дороги на этом месте был найден человеческий скелет, рядом с ним в стеклянных бутылках больше трех пудов намытого золотого песку, клочья истлевшей одежды, истлевший документ и на нем два сохранившиеся слова: „Ерофей Павлович“. Так и была названа станция по имени погибшего золотоискателя.

Путевая будка железнодорожного сторожа Николая Аросева находится в трех километрах от станции.

Пусто, глухо. Направо — степь, налево — скалистые сопки. Прошумит, прокатит мимо скорый владивостокский, медленно протащится товарник, и опять часами ничего.

Зато на станции шумно, людно; здесь депо, водокачка, мастерские, железнодорожная школа. С поездами, с проезжими приходят через станцию все сибирские новости.

Семья у Николая Аросева небольшая: сам да сын Гриша, школьник.

Вечером отец пропустит последний, 415-й, на Читу, потом сядет с Гришей чай пить. Подопрет голову ладонью и слушает, а Гриша рассказывает, что слышал на станции.

— Японцы, говоришь, Владивосток заняли? — переспрашивает Николай Гришу.

— Не одни японцы. Говорят, и французы и англичане. Видимо-невидимо. Своих жителей охраняют.

— Ишь ты, своих жителей... Жителей-то ихних, небось, десятка два, а они войск нагнали, поди, полков двадцать.

— Видимо-невидимо, говорят.

— Вот то-то. Не жители им, Гришка, нужны, а советская власть им постыла.

Помолчит Николай, хлебнет с блюдца и говорит:

— Надо нам теперь, Гришка, готовиться советскую власть защищать. Вот что.

●

Однажды Гриша прибежал из школы раньше обыкновенного и с порога закричал:

— Тятька, японцы Хабаровск заняли. Чего теперь нам делать?

— Заняли? Вишь ты... К Сибири, значит, подбираются, — покачал Николай головой и задумался. — Не пускать, Гришка, вот что нам делать. Следить за полотном дороги, вот что. Японские генералы зловредные, я их знаю.

Вечером Николай получил со станции распоряжение: пропускать без задержки, пройдут эвакуированные поезда в Читу.

Тревожно стало Николаю, неприятно. Страх взял за целость полотна.

Ночью Николай зажег фонарь, взял ломик, подпоясался туго веревкой и пошел на линию. У двери он задержался, посмотрел на Гришу. Гриша спал. Он вздохнул и осторожно закрыл за собою дверь.

На улице крутила пурга. Столбы снежной пыли неслись и свистели. Итти было трудно, ветер забирался под полы пиджака, фонарь погас. В сопках выли волки.

Вдруг новый порыв с силой ударил в лицо. Хватая воздух, Николай споткнулся, упал на рельсы и отчетливо услышал лязг железа. Вскочил, в висках застучало. Впереди на рельсах сидел человек; хрипя, как загнанная лошадь, торопливо развинчивал гайки.

Николай пригнулся, вытянулся кошкой, глаза вцепились в черную спину, а рука сама вскинула железный лом. Он закричал:

— Ага!.. рельсы... разбирать!..

Не докричал. Перед глазами метнулись раскосые глаза, и острой струйкой кольнуло в руку и сразу отбросило ее назад. Лом выпал, Николай тяжелым телом навалился на японца.

•

Гришу разбудил резкий телефонный звонок. В будке было темно; мимо окна, громыхая, шли один за другим поезда.

— Будка девяносто седьмого поста! Я слушаю... — ответил в телефонную трубку Гриша.

— Примите распоряжение военного комиссара: „Вслед за нашими поездами — ноль сорок[1] — со станции Уруша вышли к вам неприятельские эшелоны. Приказываю срочно принять меры к задержанию, вплоть до разбора рельсов. Последним идет наш паровоз „Дэкопат 14-47“. Исполнение сообщите. Военный комиссар Ноздров“.

[1] Это значит: в 12 часов 40 минут ночи.

Гриша бросился к часам. Стрелка двигалась к часу.

— Тятька! Тятька! — закричал Гриша, распахивая в сени дверь.

„Тя-ать-ка-а-а!“ ответило Грише эхо. Тишина.

Сорвал со стены шубенку, ноги всунул в подшитые валенки.

— Тятька!.. Тятька!..

Никто не отзывался. Свистел ветер. Кружила снежная пурга.

Гриша метнулся на линию. Ветер еще не успел замести отцовских следов. Гриша побежал по следам, спотыкался, падал. В валенки, в рукава сыпался снег, но Гриша его не чувствовал. Вдруг под ногами звякнуло. Гриша нагнулся — фонарь. А впереди, у откоса, свиваясь в клубок, отбиваясь друг от друга, хрипят два человека.

— Тятька! — закричал Гриша, подбегая к живому клубку.

— Убивает... Гриша... — ответил снизу придушенный голос отца.

Дернулся Гриша, отступил шаг назад, размахнулся фонарем и со всей силой ударил по голове верхнего.

Был ли удар остер, или ослаб японец в схватке с Николаем, или испугался, но только раскинул руки и медленно качнулся под откос.

— Тятька, тятька... — затряс Гриша за плечи отца. — Ты жив? Ну, скажи, жив? Распоряжение комиссар передал: японцы наступают, рельсы надо разобрать... Чего ж ты молчишь?

Отец мутными глазами взглянул на Гришу.

— Изгрыз он меня, проклятый... Положи мне в рот снегу...

Упала голова отца на примятый окровавленный снег.

Гриша опустился на колени, заплакал. Но в памяти крепко стоял приказ комиссара: сейчас должен пройти наш последний паровоз. Гриша быстро нащупал у отца в кармане спички, заградился от ветра распахнутой шубенкой, зажег фонарь. Красное стекло было разбито. Гриша вспомнил: у отца в полушубке в запасе красный лоскут. Поспешно обернул им белое стекло фонаря, хотел оттащить отца подальше от рельсов, не успел — навстречу из-за поворота выскочили два огня паровоза.

— Стой! Стой!—перебивая ветер, прокричал Гриша, махая красным огнем фонаря. Паровоз рявкнул всей силой гудка, выкинул под колеса облака пара и, как на лыжах, подполз к Грише. Человек десять с винтовками и красными повязками на рукавах соскочили на путь.

— Что случилось? Что такое?

— Рельсы... рельсы нужно разобрать, сейчас пойдут японские эшелоны.

— Кто передал? Чье распоряжение? Ты кто?

Гриша торопливо, заикаясь, рассказал.

— А что с отцом, убили его, что ли?

— Японец изгрыз... — ответил Гриша. К горлу опять подступили слезы.—Отец еще жив, он без памяти только. На паровоз бы его. Не застыл бы...

Приехавшие взглянули на рельсы, на откос, на лежавшего.

— Понятно, малец,—сказал один из них. Они быстро взялись за дело, и рельсы были поспешно разобраны.

Паровоз тронулся. Не успел он дойти до станции, как сзади послышался шум и грохот: рухнул японский поезд.

Испорченный путь задержал наступление японцев.

Паровозы, вагоны, телеграфные аппараты, жители, даже раненые были за это время вывезены.

Японцам досталась пустая станция „Ерофей Павлович".

Это было в 1919 году, когда японцы и англичане пытались отнять Сибирь у советской власти.

ЛЬВЯТА

Стихи З. Александровой
Рисунок Д. Горлова

В зоопарке ходят львята
прямо по дорожке,
лапы мягкие, как вата,
настоящие котята,
только больше кошки...

Львенок пообедал сытно.
—Ой, как спать охота!
Лег в песок, чтобы не видно...
—Разбудили, как не стыдно?
Оцарапал кто-то.

Это львенкова сестренка,
озорная очень:
дергает за ухо львенка,
и, повизгивая звонко,
лапами щекочет.

Он надулся, отвернулся,
отошел в сторонку.
—Если и теперь разбудит,
вот увидите, что будет.
Берегись, сестренка!..

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЬ

Из рассказов якутянина Ник. Ник. Березкина

В. Бианки

Рисунки Д. Шмаринова

Старый рыбак ехал в лодке со своей старухой. С рыбалки.

Вдруг видит: плывет по реке коряга, под корягой что-то громко фыркает.

— Глянь-кось, старуха,— говорит рыбак,— что там плывет да страшно фыркает?

Поглядела старуха из-под руки и говорит:

— Греби скорей туда: это зверь плывет.

Старик налег на гре́би, помчалась лодка стрелой.

Вот уж близко, и видят: из воды горбылем торчит зверья голова. Ноздри, как две плошки; глазки маленькие; уши, как у коровы, а за ними рожищи — каждый с соху.

— Сохатый,— шепчет старуха.

А сохатый — это старый лось-бык. Он очень большой, больше коровы и лошади и сильный страшно. Старик бросил гре́би, схватил поколюку — копье.

Только замахнулся зверя проткнуть, старуха как крикнет:

— Брось, брось! Как будем его до берега тянуть?

Опустил старик поколюку: зверь-то и правда тяжелый. Тяжелей лодки со стариком и старухой и со всей рыбой, что они наловили сетями.

— Бери веревку!— кричит старуха.— Аркань его за рога!

Старик схватил крепкую веревку, завязал на конце мертвую петлю, размахнулся и— раз!— поймал голову за рога.

Старуха велит:

— Теперь привяжи другой конец к лодке.

Старик привязал.

Страшно зафыркала голова, метнулась к берегу и лодку за собой потащила.

Вот сидят они в лодке, едут себе.

Старуха и давай старика корить:

— Вишь, старый сыч, из ума выжил: какую тушу хотел за собой тащить! Верных двадцать пудов одного мяса. А теперь туша сама нас к берегу катит.

— Правда твоя,— соглашается старик,— только как бы наш конь не разнес нас.

Старуха говорит:

— Эва чего испугался! Да как дотянет нас зверь до берега, ты его поколюкой и проткнешь.

Старик все на берег смотрит.

— А не пора ли,— говорит,— кончать?

Нет, не велит старуха.

— Пускай,— говорит,— еще прокатит. Не каждый день на таких конях ездим.

Старик все на берег смотрит.

— Теперь в самый бы раз,—говорит,—кончать. Дотащил до берега-то, недалеко уж.

Старуха только сердится.

— Желаю,— говорит,— покататься перед вкусным обедом из лосятины. Вишь, какое нам счастье выпало! Катим, как баре в коляске.

А старик все на берег смотрит.

— Ой, старуха! Прокатились уж, и будет с нас. Как бы куда не вышло: берег уж вот он.

Старуха опять свое:

— Маленько еще подождем. Меньше хлопот будет.

Тут вдруг обмелел сохатый: ступил на мель. Выросли из-под головы могучие плечи, крутые бока, высокие, сильные ноги. Встал махиной, да как рванет!

Веревка лопнула. Лодка с разгону о камни — и в щепки. Рыба вся в воду попадала.

Старик со старухой опомнились по пояс в воде.

А туша, что их везла, давно уж скрылась в лесу.

Скакалка

Ирина Залетаева

Я с веревочкой-скакалочкой
на солнце скачу,
я скакалочку за палочки,
за ручки кручу.

Скок-поскок
не на пятку — на носок.
Скок-поскок
разлетается песок.

Вызываю всех людей
из-за гор из-за морей,
Англию, Испанию
на соревнование.

Кто ни разу не запнется,
кто со счета не собьется,
кто всех перескачет,
тот, значит, и молодец!

Я с веревочкой-скакалочкой
на солнце скачу,
я скакалочку за палочки,
за ручки кручу.

Скок-поскок
не на пятку — на носок.
Скок-поскок
Разлетается песок!

БАЙКАЛЬСКИЕ

ребят четвертого класса Горемыкской школы

Как человека мял медведь

Пошел у нас на охоту один тунгус и увидел на горе медведя, выстрелил в него и ранил. Медведь скатился с горы, а тунгус не успел заложить в ружье патрон. Медведь стал на задние лапы, смял его и зарыл в мох, а собака в это время теребила медведя за задние ноги. Медведь побежал за собакой и убежал далеко. Тунгус встал, а медведь воротился, опять сгреб его и снова зарыл в мох, истерзав еще больше его. Собака отогнала медведя от тунгуса тем, что все время кусала его за задние стегна. Медведя одолела кровь, и он ушел к воде. Тунгус с трудом встал и помаленьку пришел к нам, отворил ворота, а я в это время вышла из избы и, как увидела человека в крови, испугалась, вбежала в избу со слезами.

Меня папа спросил: „Что ты плачешь?"

Я сказала ему, что у нас у калитки стоит страшный человек. Папа вышел и привел тунгуса в избу, раздел его и увел к фельдшеру. Медведь дал тунгусу шесть ран.

Потом этот тунгус рассказал все, как было дело. После этого собрались два охотника и пошли выслеживать медведя. Нашли его у ключа мертвым от ран, которые нанес тунгус и собака. Около медведя лежало брошенное тунгусом ружье и коняга (охотничье приспособление для переноски тяжестей по тайге). Около всего этого сидела собака тунгуса, караулила ружье и конягу, хозяина и добычу.

Приходу людей собака очень обрадовалась. Раненого тунгуса потом вылечили в больнице, и он до сих пор живет у нас в селе Горемыка и охотится на зверя. У нас, в Северо-Байкальском районе, таких случаев бывает много.

Оля Сверлова

Нерповье

В Северо-Байкальском туземном районе, в нашем селе Горемыка, занимаются нерповьем. Нерпа здесь водится в Байкале. В теплые дни в апреле нерпа вылазит из воды на лед погреться на солнышке. Для этого она продувает, еще пока тонкий лед на Байкале, отверстия во льду и поддерживает их всю зиму.

В теплые дни в апреле охотники выходят с санками (нартами) на Байкал. Потом они в бинокль рассматривают, где есть нерпа, и, когда увидят в бинокль нерпу, охотник начинает подкрадываться к ней. Для этого он натягивает на санки белый парус, чтобы нерпа не заметила его, и, проталкивая санки вперед, приближается к нерпе незаметно на такое расстояние, чтобы можно было стрелять. Охотник старается попасть нерпе под лопатку или в голову, чтобы сразу ее убить. Легко раненая нерпа не остается на льду, а сразу ныряет в воду через отверстие, около которого она всегда и греется на солнце. Поэтому при неудачных выстрелах очень много раненых нерп уходят обратно в воду, там погибают, а летом их морским валом выбрасывает на берег. Нерпы сходятся на льду большими стадами вместе со своими молодыми нерпятами. Нерпят нерпы рождают в лунках, проделанных нерпой во льду.

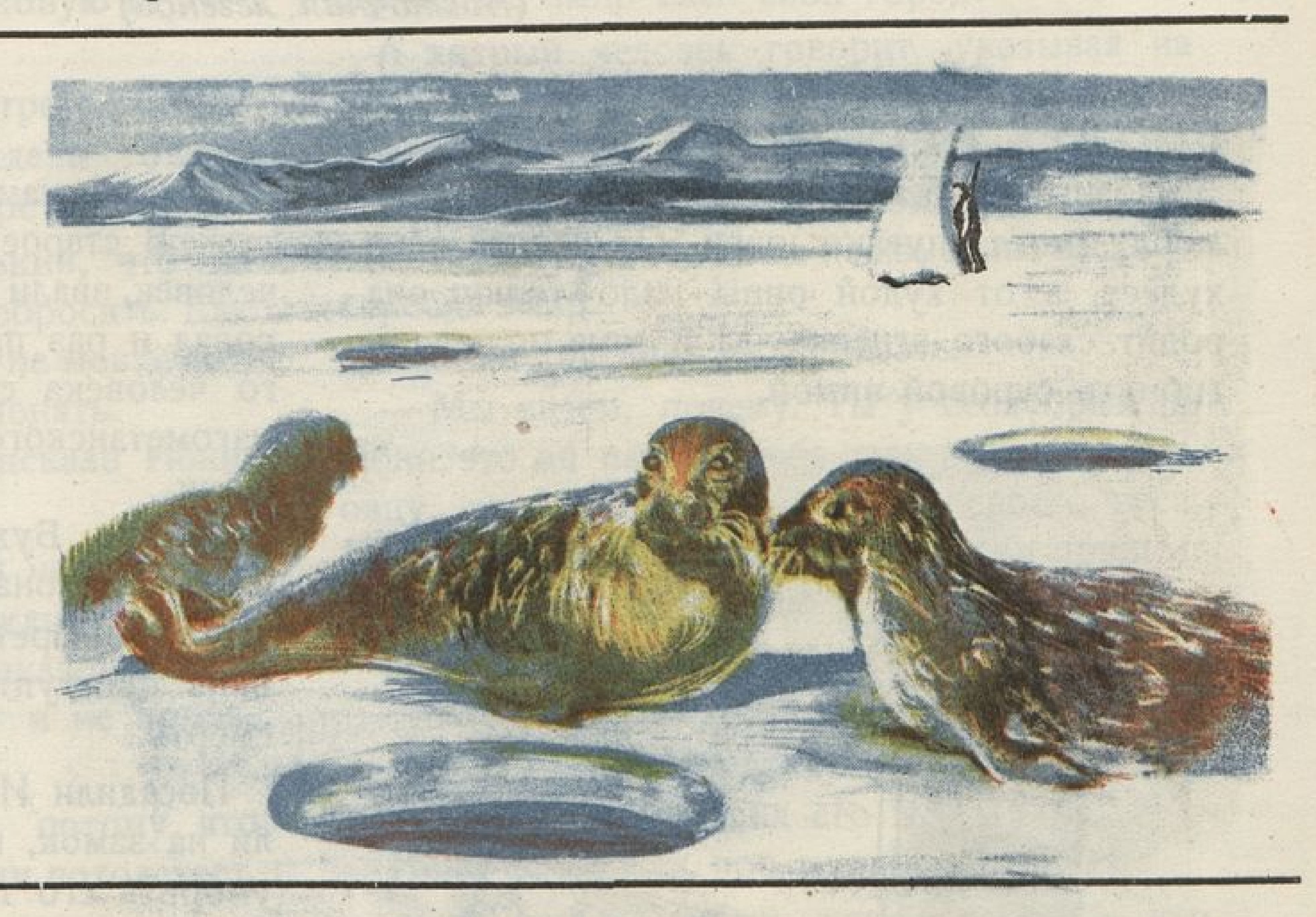
Мясо и жир молодых нерпят едят. Оно очень вкусное. А у старых мясо невкусное; поэтому, когда убивают старую нерпу, от нее получают только жир и шкуру, а мя-

РАССКАЗЫ

Северо-Байкальского туземного района

со бросают или кормят дома собак. Нерпичья шкура очень красивая. Здесь она стоит рублей семь. Шкуру и нерпичий жир здесь заготовляют и отправляют в город. Из шкуры шьют шапки, тужурки и другие изделия, а жир идет на мыло, на лекарство и на другие надобности. Один хороший охотник за весну убивает до 40 штук нерпы и сдает с них до 700 килограммов жира.

Татарникова Мура

Как я видела медведя

Однажды я ходила в лес по ягоду-голубицу с мамой. Мы пришли к ягодам, стали бить битками ягоды, а посуду положили в кусты, около реки. У нас ягоды растут на островах, а кусты бывают вышиной в один метр и больше. Потом стали бить ягоды на другом острове. Я слышу, что кто-то забулькал и пошел вниз по реке, где были наши посуды. Я спросила: „Это, мама, кто?“ Мама сказала, что это кто-то едет на коне, а я не поверила, потому что я увидела его и сказала, что это медведь.

Когда он ушел вниз, то мама хотела посмотреть его, а я ее не пустила и заплакала.

Мама тогда не пошла и давай науськивать собаку, а собака была боязливая: она хвост поджала, отскочила и села. Мы притаились и присели. Потом, маленько погодя, стали бить ягоды. Потом мы пошли к посудам и боимся итти, потому что туда ушел медведь. Пошли тихо, а медведь прошел ниже и как-то дух не взял, иначе он растрепал бы посуду и пошел бы следить нас. Мы пришли домой и стали рассказывать. Нам не верили. Когда поехали сами, то увидели медведя и убедились, что мы говорили правду.

Оля Сверлова

Загадка

Гали Воеводиной

Раз в год засевается — три года урожай снимается. Как это называется?

Мудрый Ибни

(*Восточная легенда*)

Л. Алпатов
Рисунки М. Михаэлис

Чабаны — узбекские пастухи — очень не любят, когда пугают овец. От испуга овца худеет, а от худой овцы мало толку: она родит слабого ягненка, да и сама может погибнуть суровой зимой.

Вот что нам рассказывал Мир-Боба.

— В старое время был один очень умный человек, звали его Ибни. Он много путешествовал и раз приехал в Бухару. Враги умного человека сказали эмиру, что он против магометанского закона, и тот велел казнить Ибни.

Есть в Бухаре высокая-высокая башня, называется она минаретом смерти. С вершины этого минарета по приказу эмира бросали вниз преступников, и они разбивались насмерть.

Посадили Ибни в минарет смерти, закрыли на замок, пищи и воды не дали: решили уморить его голодом.

Друзья Ибни стали думать, как бы спасти его. Они пришли к минарету, высокому, как заводская труба; осмотрели замок на двери, но сломать его было невозможно. Запрокинув головы, они посмотрели вверх и увидели там человека. Это был Ибни.

Он сделал им знак подождать и скрылся в глубине.

Через некоторое время Ибни показался с камнем в руках. Он что-то на нем нацарапал и бросил вниз. Друзья Ибни подняли камень и прочли нацарапанное на нем: „В моем доме есть желтая баночка с мазью. Возьмите муравьев, привяжите им за ножки по длинной шелковой нитке, а потом помажьте головки этой мазью и принесите к минарету".

Друзья нашли баночку, но думают: может, не та? Решили попробовать. Взяли одного муравья, мазнули по голове мазью из баночки. Муравей минутку сидел без движения, а потом быстро-быстро полез вверх по стене.

— Слава мудрому Ибни! — сказали: друзья. — Это только он мог сделать такую чудесную мазь.

Они наловили много муравьев, привязали по шелковой ниточке каждому, помазали мазью и принесли к подножью минарета. Му-

равьи полезли по отвесной стене вверх. Ибни ловил их наверху и отвязывал нитки, а потом сплел из них прочную шелковую веревку.

Наутро пришла стража посмотреть, жив ли Ибни, но не нашли его и увидели только веревку, болтающуюся на минарете.

Минарет смерти такой высокий, что на вершину камень невозможно добросить. Как же туда попала веревка? Никто не мог этого, за исключением друзей Ибни, понять.

Войска оцепили город, везде искали Ибни, но не могли найти.

И был у эмира очень хитрый человек. Он взялся так найти Ибни: в каждый дом он велел дать по овце с таким приказом, чтобы за сорок дней она не убавила и не прибавила своего веса.

Все население перепугалось, потому что говорили: если овца похудеет или потолстеет, то виновнику отрубят голову.

Стали кормить овец, кто как мог, а через сорок дней их собрали и стали взвешивать.

Из нескольких тысяч овец только одна не изменила веса. Бухарцы радовались: ведь не казнит же эмир весь свой город?

А хитрый человек говорит, указывая на овцу, не изменившую веса:

— Ее хозяин прячет у себя Ибни.

Привели того человека к эмиру.

— Почему у тебя овца не изменила веса? — спросил эмир.

Человек не знал, что сказать.

— Мы знаем, почему. Ты у себя прячешь Ибни, это он научил тебя, как надо кормить овцу, чтобы она не изменила своего веса. Поди к Ибни и скажи, чтобы он сам пришел. Я ему ничего не сделаю.

Человек пошел к Ибни и рассказал ему все.

— Хоп! — сказал Ибни и пошел к эмиру.

— Скажи нам, Ибни, как ты бежал из минарета смерти? — спросил его эмир.

Ибни рассказал про муравьев.

— А еще расскажи, как ты сделал, что овца не изменила веса?

— Просто, — ответил Ибни, — я велел хозяину хорошо кормить овцу, но каждый день ей показывать волка. Значит, всякий раз пугалась овца, и что наедала за день, то и теряла. Оттого она и осталась в прежнем весе.

— Поэтому, — закончил свой рассказ Мир-Боба, — хороший чабан очень бережет своих овец, и они его совсем не боятся. В холодные ночи овцы окружают своего пастуха, тесным кольцом прижимаясь к нему. И чабану бывает очень тепло.

ЗАГАДКИ

1. Кричит горлан
через море-океан,
получает ответ
через целый свет.

2. Ходит речка по
домам,
прямо в суп попала
к нам.

РАДУГА

Е. Благинина. Рисунок Н. Машковой

Дождик, дождик, не дожди,
не дожди ты, подожди!
Выйди, выйди, солнышко,
золотое донышко!

Я на радугу-дугу
полюбуюсь побегу.
Семицветную-цветную
на лугу подстерегу.

Я на красную дугу
наглядеться не могу!
За оранжевой, за желтой
вижу новую дугу.

Эта новая дуга
зеленее, чем луга.
А за нею — голубая,
как персидская серьга.

Я на синюю дугу
насмотреться не могу!
А за этой фиолетовой
по полю побегу.

Солнце скрылось за стога.
Где ты, радуга-дуга?

АВТОМОБИЛЬ

А. Абрамов. Рисунки К. Кузнецова

Чего-чего только ни делают автомобили!..

Людей перевезти быстро и удобно? — Автомобиль!

Груз большой перевезти? — Автомобиль.

Улицы полить и почистить? — Автомобиль.

Пожар? — Примчались автомобили; раз, два, три — раздвигается и ползет все выше и выше пожарная лестница. Автомобиль не только привез ее, но, как только остановился, сам, своим мотором, раздвигает.

Зерно от комбайнов доставить к элеватору? — Автомобиль и здесь справится.

Несчастье случилось? Срочно нужен врач? — Шумит, гудит, мчится автомобиль с врачом, санитарами, лекарствами. а нем надпись: „Скорая медицинская помощь".

Война? — Навстречу врагу, покрытые толстой сталью, выедут броневые автомобили с красноармейцами.

Автомобиль — незаменимый помощник в работе.

Вот почему т. Сталин сказал, что весь СССР нужно посадить на автомобиль. И мы быстро строим автозаводы, увеличиваем количество наших автопомощников.

У нас скоро все будут уметь управлять машинами, и вы тоже займете место за рулем.

Автомобиль с бензиновым двигателем построить трудно. Давайте строить модели с резинкой. Они здорово будут ездить по полу и перевозить грузы.

Материалы: дощечка, круглые палочки, гвоздики, толстый картон, кусок жести от консервной банки, клей и немного резины.

Лучше всего достать специальную резинку, которую ставят на модели самолетов. Попросите кусок в авиомодельном кружке. Нужно ее нам немного.

Если не достанете специальной резины, можете нарезать тоненькие полоски из обрезков велосипедной камеры.

Наши инструменты — нож, ножницы, шило, молоток и толстый гвоздь. Гвоздь тоже будет инструментом.

Прежде чем приступить к работе, рассмотрите хорошенько, как устроен наш автомобиль.

На фотографии автомобиль показан снизу. Чтобы легче было разбираться, все части обозначены номерами. Стрелки показывают, куда номера относятся.

Стрелка с номером 1 показывает на дощечку. Это рама нашего автомобиля.

С боков к ней прибиты полоски жести с дырками. Это подшипники; они отмечены цифрой 2.

В отверстиях подшипников круглые палочки 3 — оси.

На концах осей укреплены колеса — 4.

Чтобы оси не болтались из стороны в сторону, в них забиты булавки — 5.

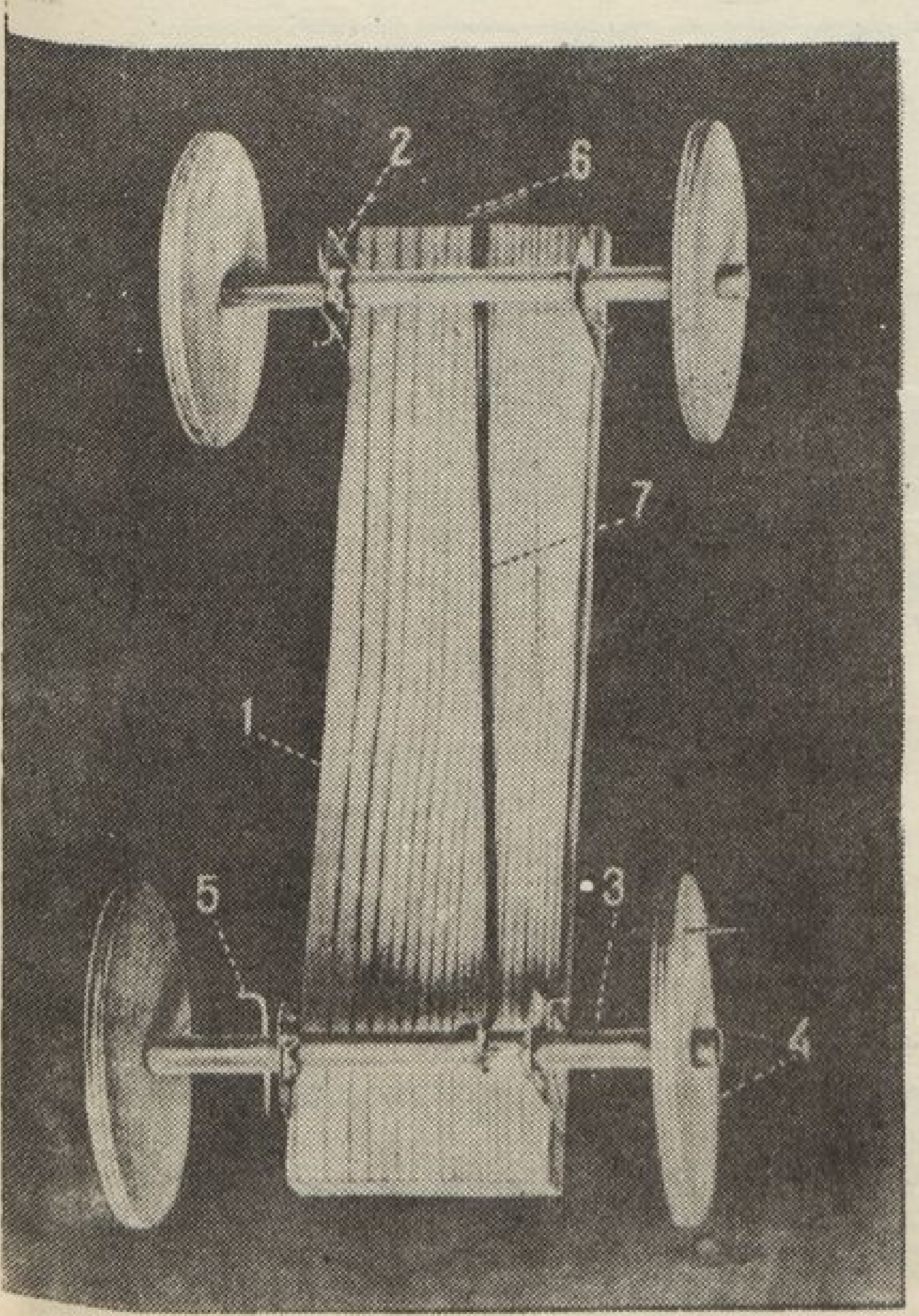
С одной стороны дощечки, к гвоздику 6. привязана резинка. Резинка отмечена номером 7. Другой конец ее привязан к оси.

Если закрутить колеса, резина будет растягиваться и накручиваться на ось. Если отпустить, резинка потянет обратно и сама закрутит ось.

Теперь все устройство понятно, и можно браться за изготовление.

Рама нашего автомобиля (помните, это дощечка 1) длиной в 22 см., шириной в 6 см., толщиной $^{1}/_{2}$ см.

Для подшипников вырежьте четыре полоски жести. Длина полоски — 3 см., ширина — 2 см. Толстым гвоздем пробейте дыры для осей и приколотите их к раме. Неровные края дыр должны быть к середине.

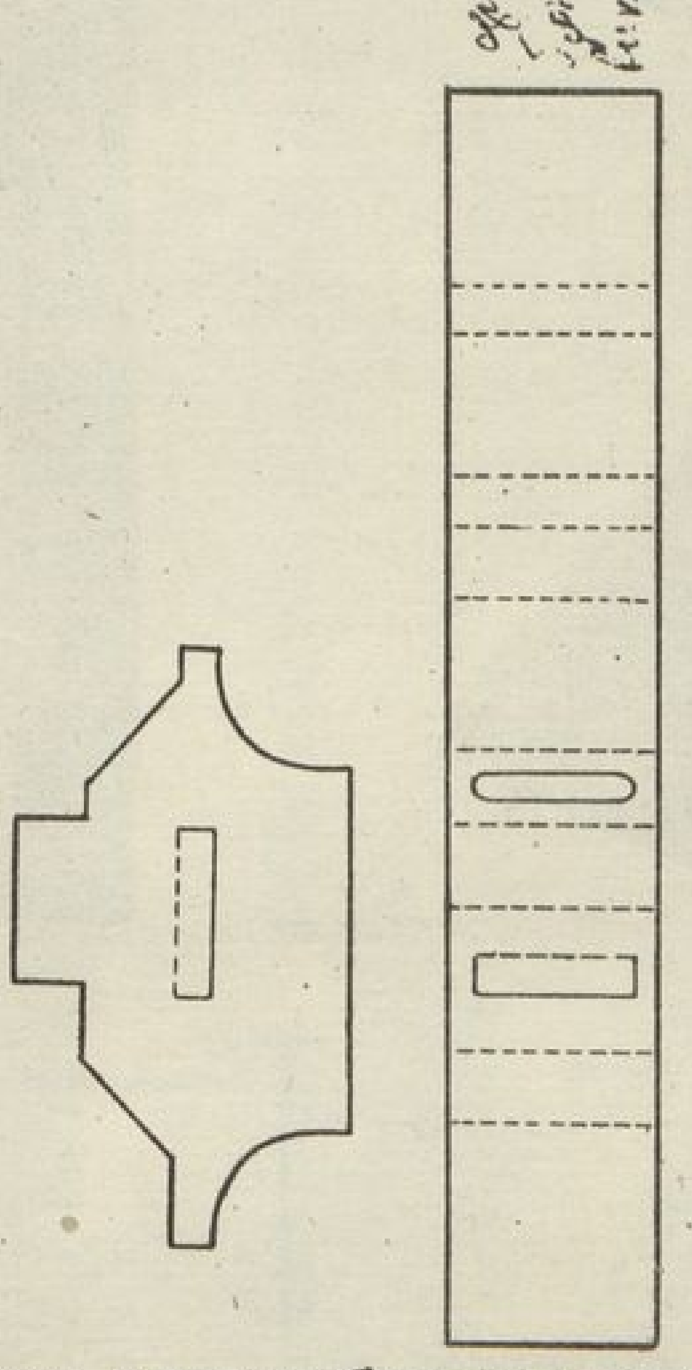

Может случиться, что не найдете гвоздя такой толщины, как ось. Тогда сначала пробейте дыры более тонкими гвоздями, а потом расширьте наконечником карандаша.

Оси сделайте длиной в 12 см. Они должны легко вращаться в подшипниках.

Сделать хорошие круглые палочки самому нелегко. Можете взять круглые карандаши. Особенно хорошо, если найдете тоненькие, для записных книжек. Можно взять тонкие ручки для перьев, палочки от кисточек — что попадется.

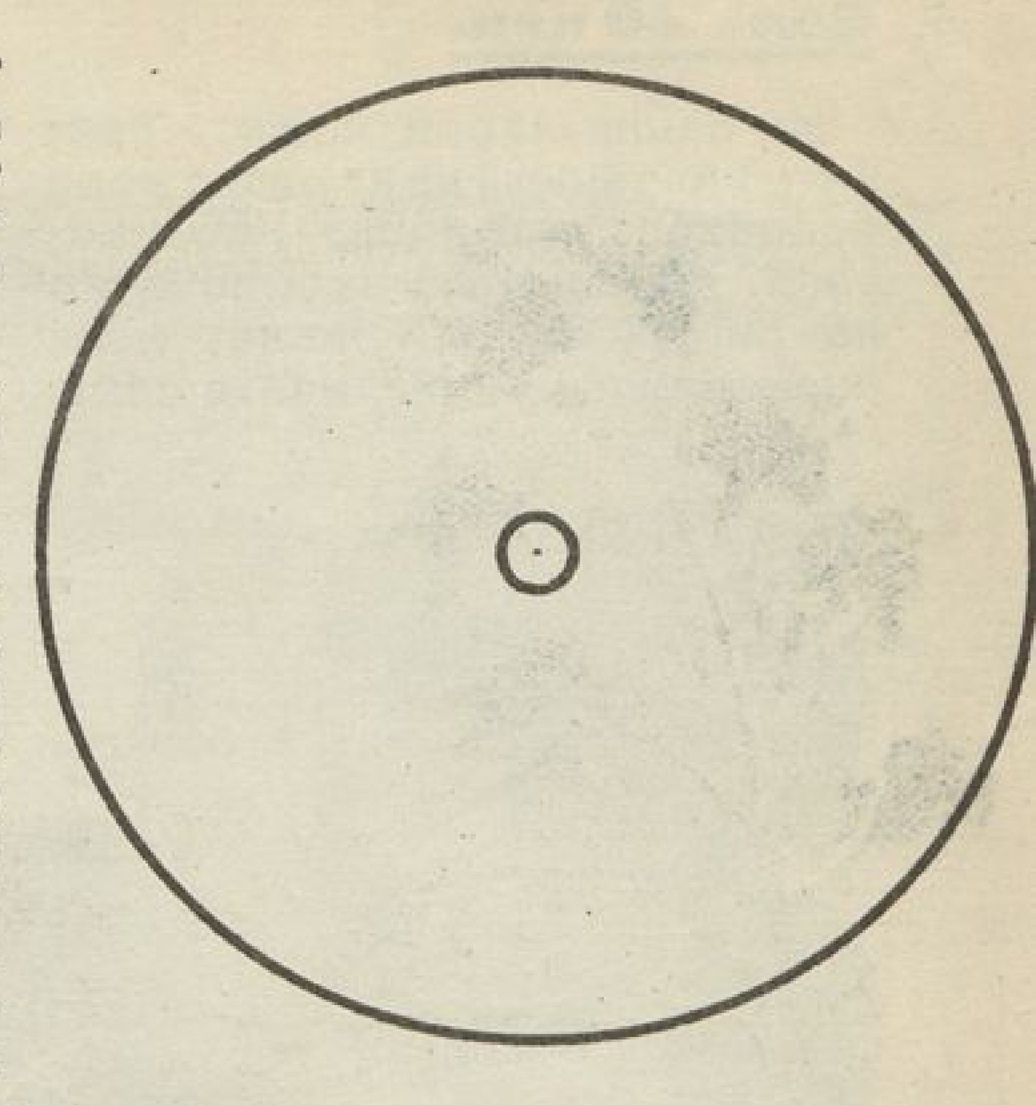
Старайтесь только найти палочки потоньше. На тонкие навернется больше оборотов резины, и автомобиль дальше проедет. Чем толще будут оси, тем меньшее расстояние пройдет автомобиль.

Самая трудная часть работы — колеса. Проще всего их сделать из толстого картона. На рисунке показан размер колеса. Между стрелками — цифра 7. Это значит, что размер колеса — 7 см.

Вы можете просто перевести через копировальную бумагу этот круг на картон, только обязательно отметьте середину. Она называется центром. Если центр не на месте, автомобиль будет качаться и плохо ехать.

Не найдете толстого, прочного картона, колеса можно сделать из двух или трех тонких картонок. Чтобы покрепче склеилось, куски нужно сильно сжать. Намажьте картонки клеем, сложите и, пока не просохли, положите на них несколько тяжелых книг.

Только не торопитесь вынимать: дайте клею высохнуть. Лучше всего склеить вечером, и пусть сохнут до утра.

Когда картон готов, нарисуйте колеса и аккуратно вырежьте.

Отверстия в них сделайте так: сначала проткните дырочки шилом, точно в середине колеса; затем расширяйте отверстия заостренной палочкой до тех пор, пока колеса не наденутся туго на концы осей. К осям хорошенько приклейте их.

Самые лучшие колеса получились бы из фанеры. Только вырезать их ножом трудно. Если умеете работать лобзиком, выпилите, и автомобиль получится такой прочный, что хоть в большой пробег пускай.

Для удобной заводки прибейте к одному из задних колес кусочек палочки толщиной с карандаш. Получится удобная ручка. К фанерному колесу можно не палочку прибить, а как у нас — просто забить маленький гвоздик.

Один конец резинки привяжите толстой ниткой к оси. На другом конце сделайте из нитки петлю и наденьте на гвоздик 6.

Вот и вышло, что сразу и части готовы, и весь автомобиль готов.

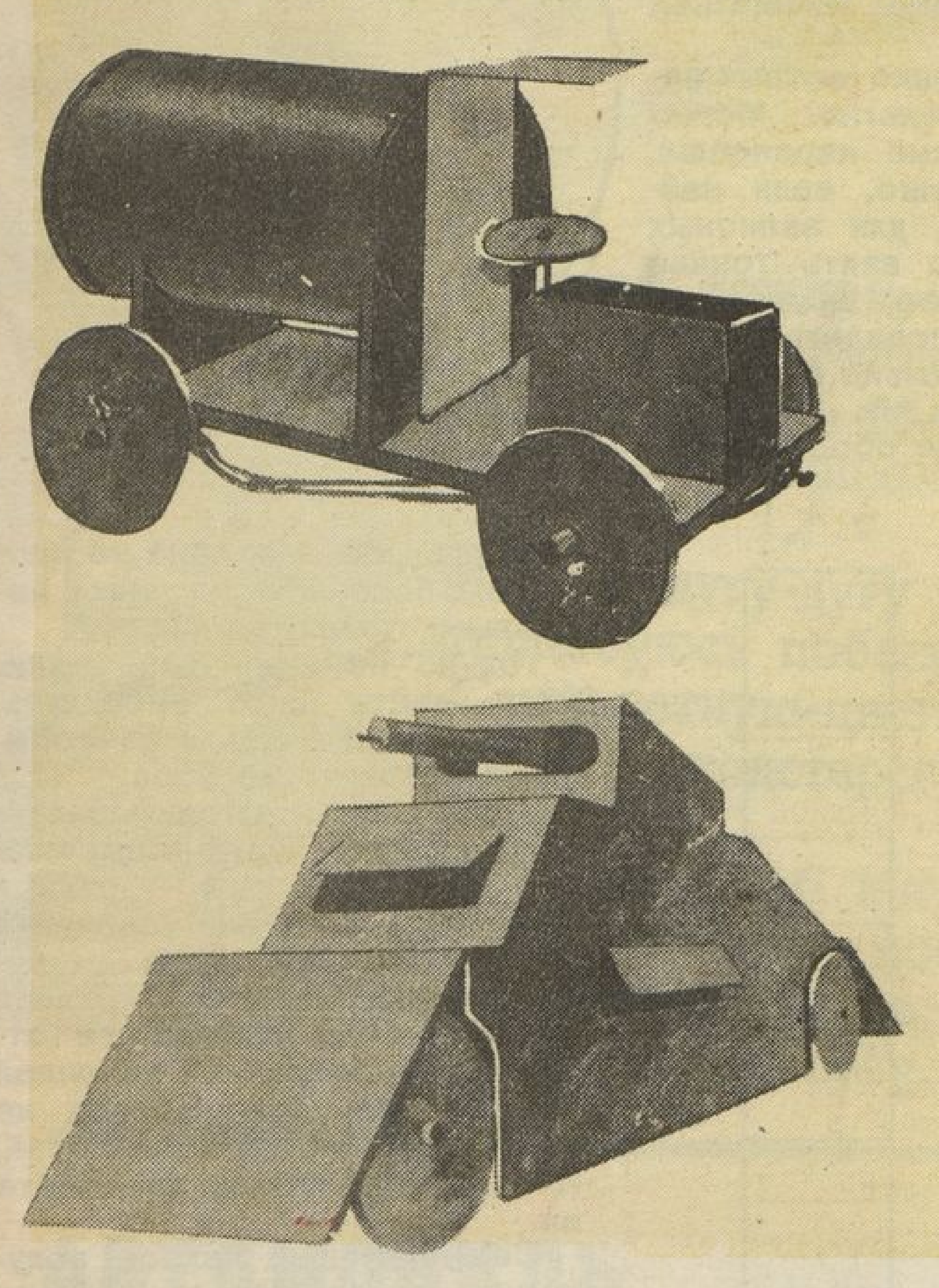
Пожалуй, это вышел не автомобиль, а платформа. И настоящие заводы часто выпускают машины такими. Эту часть автомобиля зовут шасси. Шасси — французское слово: нужно сделать ударение на И, а не на А.

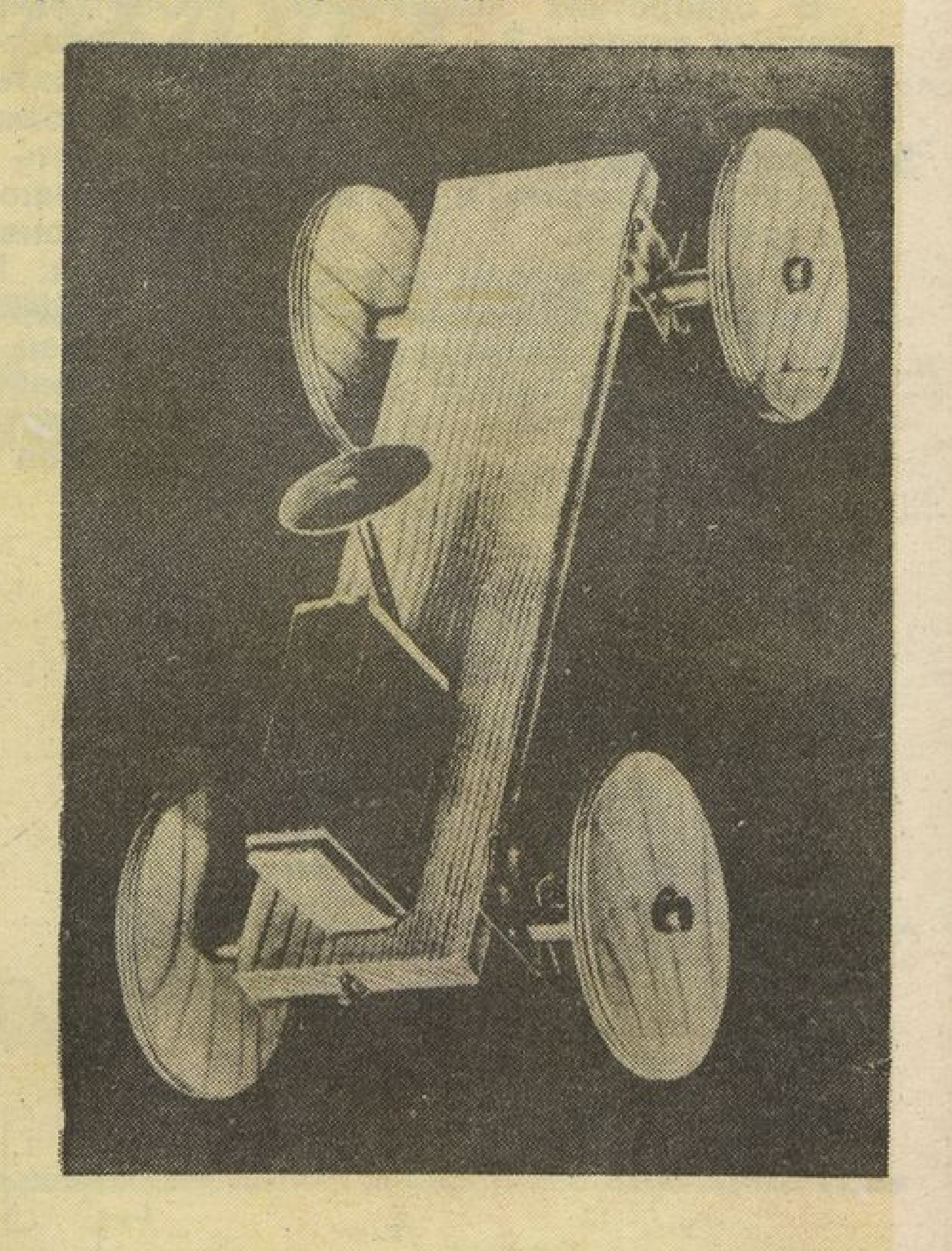
Цена 40 коп.

На наши шасси можете прибить склеенный из картона верх броневого автомобиля. Вам нечего объяснять — все понятно по рисункам. И размеры не очень важны — придумайте сами.

Если одна резинка будет слабо тянуть, подвяжите две или три. Сделайте несколько автомобилей, тогда можно устраивать гонки.

Вот тут-то и выиграет тот, кто лучше всех сделает все части. Автомобиль, у которого будут легко вращаться оси и крепко сидеть колеса, обязательно обгонит других да и проедет дальше всех.

КТО СКОРЕЙ?

Здесь нарисован квадрат. В его клеточках есть все числа от 1 до 25. Только они напечатаны в беспорядке.

Попробуйте указывать пальцем числа, быстро называя их вслух по порядку: 1, 2, 3, 4, 5 и до 25. Это можно сделать в 20 секунд. По секундной стрелке часов проследите, кто скорее.

Такие игры можете устраивать сами. Разбросайте числа не так, как у нас, — получится новая игра. Для младших ребят сделайте квадрат на 16 клеток. Им трудно справиться с 25.

С. Хальский

7	11	1	9	25
3	19	10	18	5
12	4	22	2	15
6	23	16	21	8
20	13	17	24	14

Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова С., Степанова А., Шифрин Н.
Ответств. редактор Н. Венгров. Оформление Веретенников В.

Уполном. Главлита № Б—37620. Заказ 1088 Тираж 130.000

Типография изд-ва „Крестьянская газета", Москва, Сущевская, 21.